8.5. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ ИЛИ ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ПРИОРИТЕТЫ ДЛЯ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА[1]

Булетова Н.Е., к.э.н., доцент, кафедра государственного управления и политологии

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Волгоград

Перейти на ГЛАВНОЕ МЕНЮ

Наложение основ институциональной политэкономии и экоинституционализма как нового направления институциональной теории, применяемой для обоснования норм, правил экономического развития государства, региона на действующую систему государственного стратегического управления требует детальной проработки теоретических и практических основ новой модели государственного стратегического управления российскими регионами, учитывающей как существующую взаимосвязь и зависимость политэкономии и институционализма, так и основанные на парадигме устойчивой экономики подходы к прогнозированию, целевым индикаторам, ресурсному обеспечению эволюции территории. Междисциплинарный подход к исследованию основан на активном использовании системного анализа, на комбинированном подходе к анализу каждой функции стратегического управления и соответствующих им методам и формам реализации, на выведении теоретических и методологических основ политэкономии и экоинституционализма в их взаимосвязи и потенциале использования в современной модели государственного управления территориями.

Проблемы ресурсосбережения, высокой эффективности и устойчивости российской экономики – проблемы, требующие новых подходов к решению, а решение этих проблем – вопрос выживания, безопасности, будущего экономического, политического развития страны. В основе исследования заявленных проблем лежит необходимость разработки содержания новой теоретической парадигмы, учитывающей недостатки существующих парадигм и потребности выстраивания механизма управления развитием территорий любого масштаба, основанного на «коде выживания» государства – социально-экономического, политического, экологического в реалиях современного времени, когда борьба за ресурсы, за доминирование своих национальных интересов усиливается и ужесточается.

Если история начала XX в. свидетельствует о распаде единой политэкономии на ряд более частных наук (на собственно экономику, политэкономию, теорию организации, социологию, историю экономики и историю науки об экономике), что привело к разрушению единой методологической основы, единого взгляда на политико-экономическое устройство и развитие [7], то мы являемся свидетелями синтеза – достигнутый в XXI в. результат развития теорий институциональной политэкономии и институциональной экономики имеет ряд положительных и отрицательных характеристик, что требует новых исследований и предложений по трансформации теоретических и методологических основ этих теорий и возможности их совместного применения в практике государственного стратегического управления всеми направлениями развития территорий.

Прежде чем определять перспективные точки пересечения, взаимосвязи политэкономии и экоинституционализма, представим обзор выявленных и исследованных в отечественной и зарубежной научной мысли особенностей их содержания и взаимосвязи между собой:

- если в экономике институтов упор делается на исследовании правил и их влияния на экономическое поведение участников отношений, то в политэкономии институтов основное внимание акцентируется на структуре экономических взаимодействий и отношений, которые возникают (или должны возникать) на основе правил, и их влиянии на экономическое поведение [3];
- обсуждения взаимосвязи между собой правил и экономических отношений, а также их эффективности и факторов, на нее влияющих, позволили получить вывод об «условном замкнутом круге» между ними, что наглядно представлено на рис. 1.

К данному рисунку необходимы следующие пояснения:

- правила определяются как промежуточный этап в системе управления, тогда как конечный пункт – это экономические отношения или взаимодействия, являющиеся объектом исследования политэкономии, однако именно «правила игры» – формальные и неформальные, определяют характер, содержание и эффективность формируемых и существующих общественных отношений, в том числе экономических;
- влияние установленных, исторически сформированных формальных и неформальных «правил» на состав, характер, эффективность экономических отношений (и политических, экологических и иных) очевидно, однако, на наш взгляд, требует пересмотра состав предмета политэкономии, когда на смену социально-экономическим явлениям приходят эколого-экономические явления, а кроме трансакционных издержек большое влияние на содержание, эффективность реализации правил должны играть и экологические издержки, и институциональные издержки в целом;
- если институты (по определению У. Гамильтона [15]) представляют собой словесный символ для лучшего обозначения группы общественных обычаев, а классическая политэкономия представляется как «дерево» институционально-социологических направлений институционального анализа (по словам Лемещенко П.С.), то только государство при условии сохранения целостности и национальной безопасности может быть ответственно за формирование или трансформацию институтов, устанавливающих границы и формы человеческой деятельности; современные авторы также отмечают двойственность природы институтов – они являются как условием, так и результатом экономического и общественного развития в целом [6, с. 5]. Возникает вопрос: если институты можно определять как условие развития, то что должно быть целью такого развития и как эта цель будет влиять на институты как результат развития?

В ответе на этот вопрос и заключается приращение теории и методологии институционализма за счет нового направления – экологического институционализ-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках гранта №16-06-00027 А «Закономерности эколого-экономического развития и их влияние на государственное стратегическое управление регионом».

ма, сущность, причины формирования и наполнение которого должно учитывать роль политэкономии в развитии институционализма и направления трансформации теорий, которые актуальны, необходимы для современного государства, стоящего перед глобализацией и локализацией, кризисами и периодами экономического роста. Цель развития имеет двойственную природу:

Рис. 1. Взаимосвязь институциональной экономики и политэкономии институтов

- это обеспечение эколого-экономической безопасности как состояния, защищающего территорию от техногенных и других негативных воздействий на человека и окружающую среду, что при существующем технологическом развитии производств можно рассматривать как фактор, сдерживающий экономический рост и эффективность экономической деятельности;
- это также обеспечение роста качества жизни населения, что требует множества разносторонних усилий в социальной, экологической, экономической сферах отношений и правил (рис. 2). Двойственность цели развития требует двойственности интересов – человека и природы, хозяйствующего субъекта и государства, которая выражается в балансе – паритете интересов, а это уже мы закладываем в содержание экоинституционализма как его базовый принцип – приоритеты через паритеты.

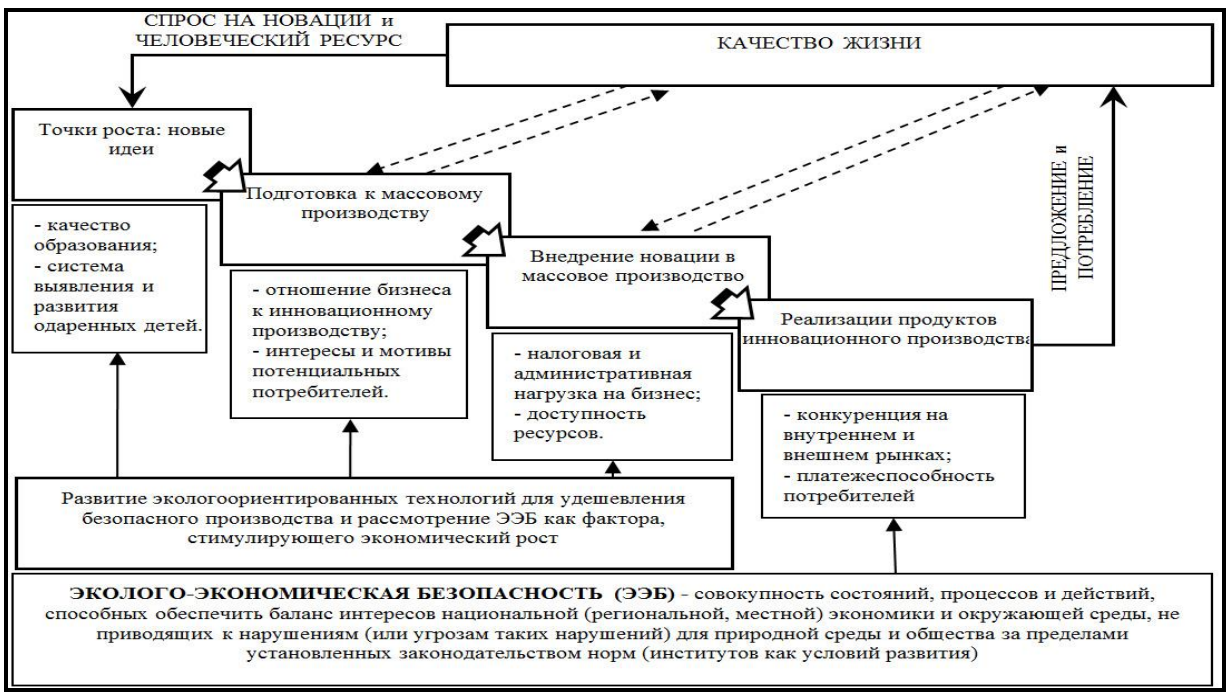

Рис.2. Эколого-экономическая безопасность и качество жизни – цели развития и инновационных рывков национальной экономики

Характеристика эколого-экономической безопасности (ЭЭБ) требует также дополнительного анализа, который был проведен автором, и это позволило сделать следующие выводы:

- ЭЭБ – это не только одна из стратегических целей развития территории, которая задается концепциями, стратегиями, программами социально-экономического, экологического развития, и даже оценивается методами стратегического аудита Счетной палаты РФ, но и один из системообразующих факторов территории как эколого-экономической системы, наличие которого и влияние на состояние и траекторию развития системы является ключевым, обязательным;
- такая двойственность природы ЭЭБ, выявленная автором, позволяет говорить о некоем «замкнутом круге» –

без ЭЭБ нельзя говорить о новом уровне развития системы и ее свойств: региона-системы более сложного уровня, соответствующей современным тенденциям и проблемам развития, при этом стратегической целью развития этой системы- является достижение состояния эколого-экономической безопасности, которое, как стоит понимать, в настоящем либо отсутствует, либо находится в состоянии, далеком от безопасного. Как же разрешить это противоречие? Считаем, что необходимо на уровне государственного стратегического управления, а именно планирования и контроля, аудита результатов реализации государственных концепций, стратегий, программ использовать шкалу измерения состояния ЭЭБ, в основу которой можно положить подход уральской школы диагностики и мониторинга экономической безопасности (Уральское отделение РАН – А.И. Татаркин, А.А. Куклин и др.), развивающей индикативный подход к определению состояния территории (пример работы [12]). Шкала измерения состояния ЭЭБ должна включать:

- нормальное состояние: предлагается его деления на два подвида – безрисковое состояние (без предельно допустимых концентраций, ПДК) и с допустимым риском (в пределах ПДК);
- переходное состояние с его делением на три стадии - от начальной стадии несущественного превышения нормы к стадии развития патологических характеристик, и критическая стадия;
- патология с ее делением на нестабильное состояние системы или ее элементов, стабильно кризисное состояние и чрезвычайно опасное состояние системы.

Это поможет лицам, принимающим решения, и общественности увидеть взаимосвязь этих сфер, провести качественную диагностику, по результатам которой внести необходимые изменения в стратегию и программу развития региона в рамках следующего «кругооборота» стратегического планирования.

Возвращаясь к проблеме универсальности институтов, закладываемых ими основ текущей жизнедеятельности общества, зададимся вопросом: если мир обычаев и привычек при ускорении научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и наращивании витков цивилизационной спирали развития ускоряет смену приоритетов и ценностей, то к чему нам приспосабливаться? И как часто? Именно в рамках экоинституционализма возможно выйти на наднациональный уровень для формирования наднациональной метаидеологии и «вечных ценностей», суть, порядок приспособления к которым не зависят от политической конъюнктуры, доминирующих экономических теорий, так как они универсальны, стабильны по своей природе (рис. 3).

Для этого в основу направления экоинституционализма, в первую очередь, необходимо заложить как трансформацию институциональной матрицы, так и достижения самой теории институциональных матриц, наследие Д. Норта и Р. Коуза по институциональным изменениям и постулатам неоинституционализма, так как переход к новому направлению – это эволюция, а не революция, а значит, приращение знания, обоснование новой парадигмы и ее методологии имеет право быть и должно обеспечивать все составляющие развития – рост, изменение и улучшение отношений и институтов.

Автор настаивает, что первичным должно быть исследование и обоснование направлений развития института идеологии, его функций и роли в теоретическом и методологическом обосновании трансформации союза политэкономии и экоинституционализма.

Представим утверждение Лемещенко П.С., с которым мы согласны, но требуется развить высказанную мысль: «Идеология представляет собой внутренний компонент любой социально-экономической системы. Более того, эффективной может быть модель экономики, имеющая свою центральную идею и осознанное ее выражение, которая поддерживается большинством граждан как потребителей, производителей, избирателей, политической, научной и культурной элиты. Как институт идеология не возникает на пустом месте. Всегда существуют предпосылки любой идеологии. Оказывая влияние на все сферы жизни человека, она и сама подвержена влиянию истории, концепциям и теориям, внешней среде, опыту» [6, с. 19].

Рис. 3. Трансформация союза политэкономии и институционализма

Для того чтобы данные утверждения имели практическую значимость, были избавлены от утопизма в реализации на уровне мир-системы в условиях противостояния тенденций глобализации и локализации отношений, процессов, необходимо сделать следующие дополнения и уточнения:

- представление идеологии как компонента системы должно быть связано по своему содержанию и сфере применения с системой более сложного уровня, чем социально-экономическая, только тогда идеологии можно придать универсальность, современность, практическую значимость; речь идет об эколого-экономической системе (социальная составляющая представлена в экономической подсистеме), и именно за счет характеристики

экологической подсистемы можно находить исторические истоки или формировать на перспективу идеологию, способную в долгосрочной траектории определить вектор развития, роль государства в поддержании курса на этот вектор развития;

- выход на наднациональный уровень необходим, но в современных условиях практически не достижим, нужна смена не только экономической, но и политической компоненты, а в соответствии со структурой институциональной матрицы (Кирдина С.Г. и ее основные работы [4, 5]) и способами ее трансформации (Д. Норт [9], К. Поланьи [10]) можно говорить о новой модели институциональной матрицы [14, с. 20], которая позволяет формировать такую идеологию, которая учитывает национальный опыт и историю ее формирования в обществе, но также и результаты ее влияния на сложившийся или ожидаемый, моделируемый порядок. Соединение двух типов матриц в одну, сбалансированную на примере российской институциональной матрицы позволяет определить содержание тех норм – идеологических, политических, экономических институтов, которые соотносятся с содержанием экоинституционализма и двойственной целью развития общества, государства, территории.

В чем должна заключаться трансформация идеологии и стратегического управления? В первую очередь, соотнесем функции идеологии как института и функции государственного стратегического управления.

Универсальность коммуникативной функции свидетельствует о высокой роли «качества» мотивов, интересов, поведения участников управления, и во всем этом заложена идеология, доминирующая или победившая в общественных отношениях. Если функция контроля является наиболее формализованной и регулируемой государствам в соответствии с целями и требованиями к объектам контроля, то по функциям планирования, организации и мотивации значение неформальных правил более существенно, результативно, и функции идеологии более разнообразны:

- с функцией планирования (а именно государственного стратегического планирования), на наш взгляд, напрямую связаны такие функции идеологии как формирование общей стратегии развития (возможно усложнение данной функции в триаде концепция – стратегия – программы развития) и прогноз складывающейся ситуации, на который влияют и цели развития, и результаты государственного контроля, дополняемого в системе государственного стратегического управления системной диагностикой и стратегическим аудитом результатов развития территории;
- к функциям организации и мотивации можно привязать такую функцию идеологии, как определение общих контуров общественных норм взаимоотношений между участниками с разными интересами; именно ресурсные возможности и потенциал территории, структура территории как объекта управления и возможности использования потенциала просвещения, воспитания, образования должны учитываться при формировании идеологических норм, правил, модели принятия решений.

Возвращаясь к вопросу определения института и его разновидностей в зависимости от изучаемых отношений, приведем результат эволюции этого понятия, при этом за основу возьмем результаты исследования следующих авторов – Тарасевича В.Н. и Ананьина О.И.:

- Тарасевич В.Н. в одной из своих работ, ссылаясь на О.И. Ананьина [1], пишет, что институциональная составляющая жизнедеятельности функционально в большей мере, чем иные, «ответственна» за упорядоченную самоорганизацию и саморазвитие, непосредственным результатом которой являются институты [11, с. 9-10];
- большую роль в определении института играет трактовка упорядоченности, для этого Ананьев О.И. в одной из своих работ приводит мнение Дж. Мерфи, который считал, что еще Аристотель определял три типа упорядоченности в человеческой жизни – природу, обычай и соглашение; следовательно, в институтах должны быть заложены механизмы упорядочения жизнедеятельности через законы природы (экологические законы), через исторические правила, обычаи и через юридически регламентированные формальные «правила игры»;
- есть определения институтов как:
  - □ определенных порядков и способов, механизмов упорядочения жизнедеятельности (Дж. Мерфи) [11];
  - □ особого порядка общественной жизни, направленного к определенной цели и обеспечивающего устойчивые рамки для непрерывной деятельности (Г. Шмоллер) [11];
  - □ разработанных людьми формальных (законы, конституции) и неформальных (договоры и добровольно принятые кодексы поведения) ограничений, а также факторов принуждения, структурирующих их взаимодействие; все вместе они образуют побудительную структуру общества и экономик (Д. Норт) [9];
  - □ регулятора той или иной области общественной жизни, который состоит, по меньшей мере, из нескольких элементов: формальные (правовые, административные и организационные) нормы и правила, регламентируемые властными и управленческими органами; механизмы государственного контроля над выполнением установленных норм и правил; механизмы общественного контроля; неформальные нормы, укорененные в культуре данного общества. Эти элементы социального института взаимосвязаны и в реальной жизни всегда сохраняют некоторую автономность (Макарин А.В., Стребков А.И. [13]).

Варианты определений института в зарубежной и отечественной научной мысли более многообразны, но именно основываясь на анализе перечисленных выше определений, была предпринята попытка представить авторское определение института, которое учитывает сущность института и его роль в обеспечении жизнедеятельности общества: институт – это результат проекции интересов общества (или элит, или транснациональных корпораций, ТНК, или большинства или меньшинства) на процесс нормотворчества для реализации функций управления обществом, другими людьми, всеми общественными отношениями или отдельными видами этих отношений в соответствии с целью и задачами развития.

Институты не формируются всеми – только частью общества, у которой есть ресурс управления? Наверно, это действительно так и происходит на практике, однако такое утверждение условно, так как субъекты управления также являются частью общества и общественных отношений, другой вопрос, что их восприятие норм и правил может существенно отличаться от восприятий объектов управления, и здесь мы видим корень проблем современных обществ, навязывающих свои нормы и правила другим государствам, территориям, объектам управления из другой культуры. Ответственность государства и его политики по управлению

территориями в таких условиях возрастает и проявляется в корректировке той парадигмы, которая в теории, методологии, формальных правилах государственного управления определяет их содержание и влияет на траекторию эволюции общества, территории, системы любого уровня и масштаба.

Проблема эффективности и соответствия методов и принципов государственного стратегического управления потребностям всех субъектов и объектов управления характерна для всех уровней принятия решений, и требует универсальных, логичных, последовательных мер по обновлению, совершенствованию методов стратегического управления со стороны государства, которое способно обеспечить системный подход к решению проблемы.

На рис. 4 представлен порядок взаимодействия отдельных форм и методов государственного управления по функции планирования и стратегического мышления, соответствующего как целям развития, так и принципу приоритеты через паритеты, когда потребность в трансформации идеологического института национальной институциональной матрицы является первичной и должна соответствовать возможностям трансформации экономических и политических институтов как столпов институциональной матрицы.

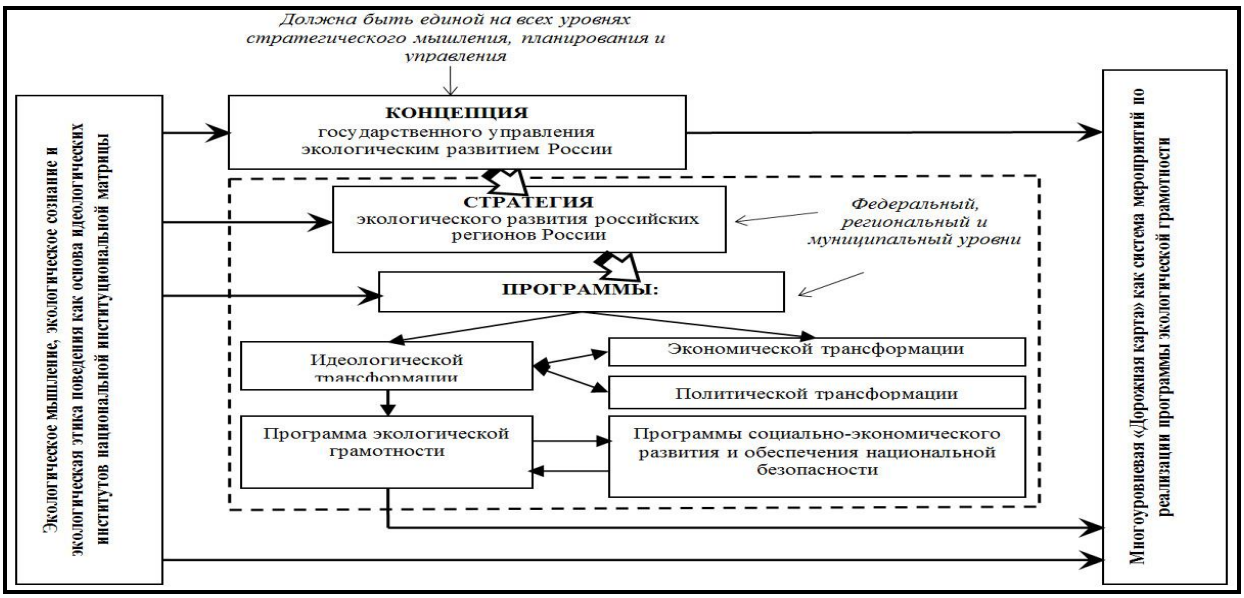

Рис. 4. Составляющие стратегического мышления и планирования, их взаимосвязь между собой [2]

Действенным и реально осуществимым инструментом трансформации идеологического института выступает государственная программа экологической грамотности населения, цели, направления, способы реализации которой на региональном, муниципальном уровнях могут иметь универсальные формы и особенные, учитывающие различия менталитета, психологии потребителя, уровня потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории.

На примере программы экологической грамотности можно представить формат расширения объекта политэкономии до уровня эколого-экономических отношений (социальные априори в них включены), а это приводит и к усложнению, расширению объекта управления – эколого-экономической системы, и к определению приоритетных направлений трансформации как отдельных институтов, так и национальной институциональной матрицы:

- экологическая грамотность должна рассматриваться не как блок отдельных мероприятий, прописанных и реализуемых государством, а как логическая по последовательности и значимости цепочка триад организации и мотивации развития просвещение – воспитание – грамотность, что требует правильной расстановки мероприятий и объемов их финансирования, так как только через программу экологической грамотности можно системно подойти к трансформации идеологии как института и приведению его в соответствие с парадигмой устойчивой экономики;
- цель программы экологической грамотности – формирование в долгосрочной перспективе устойчивого экологоориентированного поведения населения всех возрастных, социальных, профессиональных групп;
- к задачам программы экологической грамотности следует отнести: реализацию мероприятий по обеспечению приоритета экологических ценностей в общественном, бытовом поведении населения с индивидуальным подходом к каждой возрастной, социальной, профессиональной группе; реализацию мероприятий по разработке и апробированию экологоориентированных дошкольных и школьных программ, которые должны пройти согласование и утверждение на уровне министерств образования субъектов РФ, региональных и муниципальных органов исполнительной власти; при согласовании со средствами массовой информации разработку информационного материала по системному культивированию и информированию населения о приоритетах и правилах экологоориентированного поведения, которое должно прийти на смену поведению массового потребления любой ценой;
- ожидаемые конечные результаты реализации программы:
  - базовые результаты (фундаментальные): трансформация идеологических, экономических и политических институтов в соответствии с парадигмой устойчивой экономики; идентификация доминирования

экологического мышления в поведении разных возрастных, социальных и профессиональных группах населения; получение положительных результатов в культуре сбора, сортировании твердых коммунальных отходов со стороны населения; улучшение состояния окружающей среды за счет бережного отношения граждан, активного внедрения сберегающих, защитных технологий в бизнесе; переориентация производства и потребления на экологическую продукцию за счет сформированного экологического сознания и стиля поведения всех групп населения; формирование условий для долгосрочной эколого-экономической безопасности территории; внедрение и поддержка механизмов государственно-частного партнерства, обеспечивающих эффективное финансирование системы экологического образования и внедрения экологоориентированных технологий в экономику;

- прикладные результаты, получаемые по итогам реализации мероприятий программы по отношению к разным группам населения: внедрение экологоориентированных досуговых программ, способных повысить результативность программы экологической грамотности на индивидуальном уровне; создание ресурсов и программ для детей (телевизионные передачи, досуговые игры, интернет-игры, книжные издания, игрушки), культивирующих экологический стиль поведения, экологическое мышление и образ жизни; внедрение и эффективное использование новых информационных сервисов, электронных образовательных ресурсов нового поколения, внедрение которых возможно в системе образования и на уровне отдельного пользователя; подготовка кадров по приоритетным направлениям экологически ориентированного поведения на уровне дошкольных образовательных учреждений (ДОУ), начальной школы, специалистов по повышению квалификации различных профессиональных групп населения; рост государственной поддержки инновационных проектов, ориентированных на разработку и внедрение «зеленых» технологий в российскую экономику.

Программа экологической грамотности на региональном уровне в соответствии с системным подходом к реализации должна быть ориентирована на целевую аудиторию:

- контингент ДОУ и начальной школы, проведение мероприятий экологической грамотности имеет свои особенности и расчет на долгосрочную перспективу, а также требует совместной работы Министерства образования и науки РФ и соответствующих подразделений в субъектах РФ, Министерства природных ресурсов и экологии РФ и соответствующих подразделений в субъектах РФ, а также активного привлечения волонтерских движений;
- общегосударственная программа экологической грамотности ориентирована на все население страны (без каких-либо ограничений), выступающее «производителем» твердых коммунальных отходов (ТКО), для которого первичны и действенны меры экологического просвещения, пропаганды и культивирования как модного и выгодного (экономически, социально, экологически) нового стиля потребительского поведения, а также культуры обращения с бытовыми отходами и поведения в окружающей среде;
- представители бизнеса, которые в существующих экономических, политических, социальных условиях функционирования должны пропагандировать важность социальной функции бизнеса, с одной стороны, и обеспечивать приемлемые условия (экономически выгодные) для осуществления своей деятельности в процессе обращения ТКО, продвижения экологически безопасных товаров и услуг; наиболее эффективным, на наш взгляд, будет разработка и реализация совместных мероприятий с органами исполнительной власти, при этом необходимо учитывать специфику экономической деятельности, проблемы, риски, стимулы, актуальные для бизнеса;
- особое место в целевой аудитории программы экологической грамотности занимают школьники средних и старших классов, учащиеся средних (СУЗ) и высших (ВУЗ) учебных заведений, а также профессорско-преподавательский состав, на которых следует возложить не только научное обоснование всех мероприятий, но и активизацию волонтерских движений по реализации мероприятий экологического просвещения и воспитания, а самое главное – пропаганду моды на экологоориентированный стиль поведения; это не только самый активный контингент, который обладает инициативой, энтузиазмом, альтруизмом, но и наиболее восприимчивый к познавательному процессу.

В целом в модель государственного стратегического управления территорией, которая соответствует парадигме устойчивой экономики (с поправками к данному понятию Н.Н. Моисеева) и ориентирована на совершенствование теоретического, методологического аппарата, необходимо привнести системный подход, позволяющий обеспечивать не только большую целостность исследования объекта управления, но и комплексность подходов, методов реализации заявленных функций государственного стратегического управления [8].

Взаимосвязь и взаимозависимость институционализма и политэкономии требуют с учетом закономерностей эколого-экономического развития региона как объекта государственного стратегического управления привести в соответствие с потребностями практики научное обоснование их использования в государственном стратегическом управлении регионами, государством. Разработанные автором теоретические и методологические подходы и методы представляют основу нового направления институционализма, содержание которого отвечает современным потребностям государства и других участников такой сложной и развивающейся эколого-экономической системы как регион, речь идет об экологическом институционализме, в котором смещены приоритеты и акценты в сторону паритета интересов элементов системы с четким определением состояний «норма – переходное состояние – патология. Экологический институционализм является необходимым направлением трансформации институционализма, призванным обеспечивать модернизацию современной институциональной матрицы и ее отдельных норм; это будет способствовать росту достижимости стратегических целей развития региона и результативности применения методов государственного стратегического управления регионом.

Литература

1. Ананьин О.И. Структура экономико-теоретического знания: методологический анализ [Текст] / О.И. Ананьин. – М. : Наука, 2005. – 244 с.
2. Булетова Н.Е. Эколого-экономическое развития регионов России через призму экологической грамотности населения [Текст] / Н.Е. Булетова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2014. – №4. – С. 133-140.
3. Дементьев В.В. Политическая экономия институтов: проблема определения предмета исследования [Текст] /

В.В. Дементьев // Ж-л институциональных исследований = Journal of Institutional studies. – 2014. – Т. 6; №3. – С. 96-121.
4. Кирдина С.Г. X- и Y- экономики: институциональный анализ [Текст] / С.Г. Кирдина. – М. : Наука, 2004. – 256 с.
5. Кирдина С.Г. Теория институциональных матриц (пример российского институционализма) [Текст] / С.Г. Кирдина // Постсоветский институционализм / под ред. Р.М. Нуреева и В.В. Дементьева. – Донецк: Каштан, 2005. – С. 75-101.
6. Лемещенко П.С. Институционально-эволюционная теория новой экономической реформы [Электронный ресурс] / П.С. Лемещенко. URL: http://newpoliteconomy.org/publications/articles/index.php.
7. Лемещенко П.С. Наука политэкономия: прошлое, настоящее, будущее [Электронный ресурс] / П.С. Лемещенко. URL: http://newpoliteconomy.org/publications/articles/15.pdf.
8. Лившиц В.Н. и др. Системное мышление и системный анализ: использование при определении инвестиционной привлекательности регионов и моделирование поведения инвестора на комбинированном рынке [Текст] / В.Н. Лившиц, Е.Р. Орлова, С.М. Курманова, Ю.М. Курманова, М.П. Фролова // Аудит и финансовый анализ. – 2014. – №1. – С. 225-244.
9. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики [Текст] / Д. Норт. – М. : Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
10. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени [Текст] / К. Поланьи ; под общ. ред. С.Е. Федорова; пер. с англ. А. Васильева, С. Федорова, А. Шурбелева. – СПб. : Алетейя, 2002. – 320 с.
11. Тарасевич В.Н. Что такое институт? (опыт институциональной эволюции) [Текст] / В.Н. Тарасевич // Ж-л институциональных исследований = Journal of institutional studies. – 2010. – Т. 2; №3. – С. 5-23.
12. Татаркин А.И. Изменение парадигмы исследований экономической безопасности региона [Текст] / А.И. Татаркин, А.А. Куклин // Экономика региона. – 2012. – №2. – С. 25-39.
13. Теория и история политических институтов [Текст] : учеб. пособие для вузов / под ред. проф. А.В. Макарина, проф. А.И. Стребкова. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. – 320 с.
14. Buletova N.Y. et al. New paradigm of human ecological, social and economic structure: utopia should become reality [Text] / N.Y. Buletova, I.V. Gorelova, A.V. Golomanchuk, Y.R. Orlova // Экономика региона. – 2015. – №2. – С. 59-71.
15. Hamilton U. Institution [Text] / U. Hamilton // Enciclopadeia of the social sciences. – N. Y., 1932. – Vol. 8. – Pp. 84-89.

Ключевые слова

Институциональная политэкономия; экологический институционализм; регион как эколого-экономическая система; триады государственного стратегического управления.

Булетова Наталья Евгеньевна

РЕЦЕНЗИЯ

Актуальность темы научной статьи связана как с восстановлением интереса к политэкономии в российском научном сообществе, так и с необходимостью приводить институционализм как направление мировой научной мысли в соответствие с современной практикой и условиями жизнедеятельности общества, бизнеса, государства, для которых институциональные теории определяют содержание формальных и неформальных «правил игры», стиль управления и особенности социально-экономического развития территорий.

Научная новизна и практическая значимость результатов исследования, представленных в данной статье, состоит в обосновании содержания трансформации институционализма с целью приведения его теорий в соответствие с потребностями общества и политических, экономических, экологических и других институтов в условиях глобального экологического кризиса и поиска национальных приоритетов и особенностей эколого-экономического развития. На этом фоне сопоставление и определение точек соприкосновения между политэкономией и экоинституционализмом с разработкой предложений по их адаптации к потребностям эколого-экономического развития отдельных территорий представляет не только научный, но и практический интерес для учета эколого-экономической составляющей в развитии регионов как объектов государственного стратегического управления, при разработке, реализации и мониторинге результатов стратегического планирования.

Заключение: рецензируемая статья отвечает основным требованиям, предъявляемым к научным публикациям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Аудит и финансовый анализ».

Гончарова М.В., д.э.н., доцент, профессор кафедры экономики и менеджмента Волгоградского филиала Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, г. Волгоград.

Перейти на ГЛАВНОЕ МЕНЮ